

ТЕХНОЛОГИИ ФОРМИРОВАНИЯ «ПОСТПРАВДЫ»: ПРОПАГАНДА И КОНТРПРОПАГАНДА НА ПРИМЕРЕ ДОКЛАДА СЕНАТСКОГО КОМИТЕТА ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ОТНОШЕНИЯМ США ОТ 10 ЯНВАРЯ 2018 ГОДА

С. В. Смаль

Российский государственный педагогический университета им. А. И. Герцена,
48, наб. реки Мойки, Санкт-Петербург, 191186, Россия

Анализируются технологии теоретического построения и практической реализации эмоционально-замещенного восприятия реальности, которое можно назвать доминирующим в мировых и российских средствах массовой информации. Точкой отсчета кардинального изменения информационного поля является 2014 г., хотя и до этого момента, безусловно, ценности, внедряемые в речах политиков и тиражируемые СМИ, серьезно различались в странах развитой демократии и во всем остальном мире. Предложено аналитическое осмысление трех условных периодов развития информационных носителей, сообразно с управленческими и технологическими методиками, применяемыми в различные эпохи. Проанализированы технологии формирования «постправды», выделены существенные элементы, присущие обозначенным методикам, а также особенности, приводящие к наблюдаемому искажению восприятия реальности, отображаемой средствами массовой информации. Отмечаемое искажение восприятия ситуации имеет крайне интересную многокомпонентную природу, как правило, усугубляющуюся укоренившейся негативной установкой относительно других участников политико-информационного процесса. Это в совокупности порождает глубочайший, прежде всего внутрличностный, конфликт, проявляющийся во всех сферах взаимодействия и обуславливающий состояние постоянного эмоционального напряжения, столь необходимого для мира «постправды». В качестве ярчайшего приема научно-ориентированной пропагандистской работы приведен объемный (206 страниц текста, восемь глав и девять приложений) аналитический доклад сенатского Комитета по международным отношениям США, представленный широкой публике 10 января 2018 г., формирующий поливекторное восприятие правды, в исключительной степени искажающее действительность. В заключении постулируется, что современность характеризуется поливариативным и разнонаправленным восприятием действительности, создаваемой информационными технологиями «мгновенного реагирования» и поддерживающей состояние постоянного эмоционального напряжения, необходимого для минимально проблематизированного политического управления во всех странах мира.

Ключевые слова: *постправда*, пропаганда, информационные технологии, приемы формирования эмоционально-замещенного восприятия реальности, США, страны развитой демократии, Россия.

ТЕХНОЛОГИИ ФОРМИРОВАНИЯ «ПОСТПРАВДЫ»: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Наше время — период нового подъема философов и мыслителей всех мастей, можно даже сказать, что нам, людям, живущим в эпоху расцвета web-технологий, невероятно повезло. Да, это время крайне интересно изучать,

может быть, даже интереснее, чем в нем жить. Однако тут, кроме методологического основания изучения реальности, изменить ничего нельзя. Тем интереснее становится изучение технологий формирования феномена «постправды» или «постреальности». В нашем обзоре будет предпринята попытка систематизировать технологические приемы формирования и восприятия «постправды» и их применение в политико-конфликтологическом поле, сформировавшемся после 2014 г.

Термин «постправда» хотя и довольно молод (как автономная дефиниция он был закреплен лишь в 2004 г.), но его популярность набирает обороты столь стремительно, а его история так глубока, что об этом необходимо сказать отдельно¹.

В настоящее время, которое в силу удивительных геополитических траекторий само предоставляет прекрасную возможность говорить и писать обо всем, что интересует научное сообщество, накоплено множество работ, не упомянуть которые было бы некорректно. Так, если сосредоточиться на последних 15 годах, то первым же необходимо назвать украинского автора (укажем в скобках, что на Украине, на взгляд автора, политическая и политологическая литература до 2015 г. развивалась опережающими среднеевропейские темпами) Г. Г. Почепцова, который радуется нас интересными работами начиная с 1994 г., когда вышло первое издание «Паблик рилейшнз для политиков и бизнесменов» (Почепцов, 1995), но упоминаемая нами работа относится к 2015 г. (Почепцов, 2015). Чтобы не превращать всю статью в библиографический обзор, упомянем лишь некоторые работы российских и иностранных авторов, исследующих вопросы пропаганды и контрпропаганды. Назовем представителя другого фланга исследователей, поклонника образования и становления «Евразийской Руси» И. Н. Панарина (Панарин, 2006; 2012), а также авторов учебных пособий по теме информационной политики в области пропаганды В. В. Цыганова (Цыганов, 2007) и Н. Ф. Пономарева (Пономарев, 2007), также выделим небольшой, но емкий труд Э. Аронсона и Э. Пратканиса (Аронсон, Пратканис, 2002). В нашем обзоре имеется и ярко выраженный междисциплинарный аспект, например представленный в работе О. В. Соколовой (Соколова, 2014).

Что касается иноязычной части исследователей, то их по объективным причинам значительно больше, чем пишущих по-русски. Укажем лишь некоторые работы, увидевшие свет в последние 10–12 лет. Начнем с книги М. Кастельса «Власть коммуникации» (Castells, 2009), появившейся, кстати говоря, и на русском языке (Кастельс, 2016), также назовем работу Джеймса Фишера, одну из первых затрагивающую вопросы пропаганды в сети Интернет (Fischer, 2009), и книгу Этнони Димаджио, писавшего об особенностях массовой пропаганды

¹ 22–23 сентября 2017 г. в Санкт-Петербургском государственном университете на факультете политологии была проведена всероссийская конференция «Политика постправды и популизм в современном мире», на которой обсуждался широкий круг вопросов этой крайне интересной темы, и данная статья в какой-то мере является продолжением возникшего тогда (Смаль, 2017) и получившего импульс для дальнейшего развития научного диспута (Политика постправды, 2017).

на примере изучения новостей о «войне с террором», публикуемых в Америке (Dimaggio, 2008). В 2007 г. вышла работа Михаэля Кирнли, одна из первых, посвященная ныне крайне актуальным вопросам запрета пропаганды войны в международном правовом пространстве (Kearney, 2007), начинается переосмысление информационной политики в свете ее связи с пропагандой и демократией. Об этом книга Кевина Молонея 2006 г. «Переосмысление связей с общественностью: пиар-пропаганда и демократия» (Moloney, 2006), как и книга 2005 г. «Пропаганда и демократия: американский опыт СМИ и массового убеждения» (Sproule, 2005), а также общетеоретическая работа 2009 г. «Война и медиа» (War and the media, 2009).

Если говорить о России и о документально сохранившихся свидетельствах эмоционально-замещенного восприятия реальности, свойственного и пропаганде, и «постправде», то первый пример будет обнаружен в далеком 967 г., когда войско Святослава отправилось из Киева в поход за Дунай на Болгарию. Византийские источники указывают, что численность его составляла 60 тысяч человек, а данные «Повести временных лет», тоже несколько ангажированного, но тем не менее уважаемого и признаваемого источника, говорят о количестве воинов всего в 10 тысяч (Широкопад, 2007, с. 31–32).

Однако приемы подобного эмоционально-окрашенного воздействия мы находим и гораздо раньше. В конце концов, и «Карфаген был разрушен» стараниями самого автора крылатого выражения, непримиримого врага этого государства Марка Порция Катона Старшего в результате Третьей Пунической войны. Хотя такой стяженный вид фраза приобрела не сразу. Как известно, консул и цензор, многократно выступавший перед собранием сената, каждое свое выступление заканчивал именно этой фразой: «А кроме того, я думаю, что Карфаген должен быть разрушен!»² (Astin, 1978, p. 14). Тысячу раз повторенное становится действительностью, как доказала, например, обширная украинская практика. Тем не менее необходимо вернуться к заявленной теме.

В более позднее время, характеризующееся многовекторным технологическим развитием, прежде всего в сфере коммуникации и информации, «пост-правда» становится связана с конструированием некоей публичной идентичности, где исключительно важна роль «правильной» репрезентации своего (авторского), т. е. глубоко личного и субъективного опыта познания мира. И в зависимости от «красивости» подачи и подготовленности зрителя или слушателя мы будем говорить о формировании той или иной информационной повестки дня, которая отражает всю гамму «правд», воссоздающих различные «политики». Как злободневно почти 10 лет назад отмечал М. Кастельс, «основная тактика пропаганды и контроля общественного мнения — это фабрикация сконструированных и дезинформирующих сообщений с целью продвижения чьих-либо интересов, что также еще и по совместительству самая древняя и прямая форма медийной политики» (Castells, 2009, p. 240–241). Это невозможно без ма-

² Лат. "Ceterum censeo Carthaginem esse delendam!" — «А кроме того, я думаю, что Карфаген должен быть разрушен!» Позже сентенцию для упрощения сократили, и она приобрела вид: "Delenda Carthago!", т. е. «Разрушите Карфаген!», что в итоге и произошло.

стерского владения словом, зачастую благодаря технологическому развитию замещающего «владение делом».

Само «слово» и способы его подачи, а также конструирование его воздействия прошли три условных этапа развития, которые мы коротко обозначим ниже. Довольно интересно, что подобные «триады», только в отношении градаций богатства, встречаются и у Э. Тоффлера в его ставшей знаменитой книге «Третья волна» (Тоффлер, 2004). Мы соотнесем их.

Первый этап — *вербальное слово* — вся информация передается изустным образом, велика роль сказителей, «Боянов», и ее ценность не столь велика, как ценность тоффлеровского «движимого и недвижимого имущества», т. е. скота, земель и строений (замков), которое является главной ценностью эпохи. Информация письменная — удел элиты как светского, так и духовного характера. Также узок на тот момент и информационный кругозор, обнаруживающийся буквально из того, что человек видел вокруг, даже если он мог покорить вершину дерева или горы, его «знания» дальше не распространялись.

Второй этап — *печатное слово* — не столь далекий от нас промежуток времени, где грамотность, а также увеличивающийся доступ к печатной продукции сочетается с монетизацией богатства (ассигнации, кстати, тоже печатного вида, «золотая лихорадка» и прочие признаки массовизации как слова, так и богатства, которые становятся все более и более доступными). При этом очень важно, что подобное развитие резко примитивизирует «конечного» потребителя, т. е. мы научились читать, но еще не умеем критически осмысливать информацию. Доверие печатному слову просто невероятное! И, если быть внимательными, мы обнаружим именно такое трепетное отношение ко всему, что «вырублено» на бумаге, у представителей старшего поколения. А какая благодатная почва сформировалась на основе этого слова для формирования тоталитарных режимов! Не будем, впрочем, отвлекаться.

Третий этап — *виртуальное слово* — именно тут мы наблюдаем «торжество Тоффлера» (Тоффлер, 2004, с. 266–277): самую большую, исключительную ценность стала приобретать информация. Править стали те, кто владеет ею, а также технологиями ее приобретения. Богатство не нужно перевозить с собой в виде громоздкого саквояжа с золотыми слитками, довольно взять с собой пластиковый прямоугольник и вооружиться сокровенным знанием, возможно, даже преступным, о том, чтобы этот кусочек пластика сделать источником материальных благ.

Итак, какие же технологии формирования «посправды» можно обнаружить в том информационном потоке, который бурно изливается на читателей-зрителей в последние три-четыре года? Условно разделим их на несколько категорий:

Гиперболизация, причем выполняемая как в сторону приумножения, так и в противоположном направлении. Приведенный пример с количеством войск Святослава как раз является иллюстрацией.

Замалчивание, осуществляемое по принципу «если хорошо — то ничего». Вспоминается множество примеров из постсоветской истории развития Прибалтики, которые настолько выпуклы в формировании «постправды», что,

безусловно, заслуживают отдельного обсуждения, которое предпринимает, например, В. А. Смирнов, исследующий отношения политических элит стран Прибалтики (Смирнов, 2017).

Подмена понятий — технология сложная, так как требует от автора посланий самого быть знатоком в той области, где необходимо провести конструирование «постправды», и иногда это, к ликованию толпы неравнодушных комментаторов, не удается в должной мере.

При работе с «подменой понятий» часто используются определенные приемы, которые можно обозначить как подтип третьей категории и которые включают манипулятивные технологии, безусловно, пришедшие ко двору при формировании мира «постреальности». Перечислим наиболее распространенные среди них, хотя надо отдать должное методам и техникам манипуляции: они множатся и растут, подобно снежному кому, обрушиваясь на «потребителей» в периоды обострения международных отношений и в жаркие предвыборные «сезоны» (Смаль, 2015, с. 273).

«Простые люди» (вариации: «свои ребята», *people talk*): достаточно часто встречаемый тип манипуляции, когда заказанная, возможно, ложная, информация преподносится корреспондентом или комментатором от имени «простых людей, очевидцев событий» и/или какого-то контентного, тривиального и всем знакомого персонажа (соседа, бабушки у подъезда, мамочки из двора и т. д.). И мы читаем и, как правило, сочувствуем не бедной «школьнице Лизе», а мастерству автора, изредка исполняющего самостоятельную роль, зачастую же — заказ на формирование того или иного сегмента «постреальности».

Антонимом вышеозначенному приему выступает «экспертное мнение» («свидетельство» или «рекомендация», оно же *testimonial* в англоязычной версии). Это типичный прием «серого PR», когда происходит ссылка на неизвестные, но исключительно авторитетные источники. Ими полны все выпуски новостей, статьи и перепосты, но самих этих экспертов мало кто видел.

«Чрезмерный позитив». Неодинаково и неравномерно работающая в политическом пространстве стран развитой и развивающейся демократии технология. Так, в первом случае, когда в адрес политика высказывается слишком много позитивного, порой даже переходящего в похвалу, это оказывает отторгающее действие на реципиента информации, и общий фон восприятия становится негативным. В то время как в странах, где зерна демократии еще не дали обильных и стабильных всходов, этот метод приводит к формированию позитивного информационного фона, гасящего острую фазу конфликта. Отсюда противоречие в восприятии информации печатных иноязычных СМИ в странах создания и странах, выступающих адресатами публикаций, хорошие примеры можно найти среди подборок на <http://inosmi.ru/> и <https://www.inopressa.ru>.

«Выбор без выбора». Давно знакомый специалистам-практикам политического PR прием, его особенность, как известно, заключается в том, что выбор за одну из сторон коммуникации уже сделан. Например, мы встречаемся с ним при формулировке вопросов: «Вы считаете необходимым проведение выборов ДО или ПОСЛЕ прекращения бомбежек?»

«Фургон с оркестром» («общий вагон», «общая платформа» или же *band wagon*). Интересная технология (с другими мы, вероятно, и не встретимся). При использовании этого приема нужно подобрать суждения и построить фразы так, чтобы сформировать уверенность в том, что подобным образом делают все. А кому захочется признаться в том, что он противопоставляет себя обществу? Как правило, высказывание начинается с таких слов, как «никто не станет возражать, что...» или «все здравомыслящие люди согласятся...», и далее следует снижение критичности воспринимаемой информации, что облегчает конструирование необходимой точки зрения, оценки или напрямую события.

Для всех вышеописанных технологий присущи следующие элементы:

- *преобладание притязаний над доводами*, и зачастую мы наблюдаем переход от конструктивного спора к личным выпадам не только во время политических предвыборных дебатов, но и практически в любом материале СМИ на злободневные темы «Крыма», «Сирии», «США» и «России» в целом (крайне интересно привести в качестве примера статью «Искусство лжи» /Simon/, хотя подобных примеров исключительно много);
- в восприятии оппонента происходит *замещение «образа другого»* (что норма, все люди разные и так далее) «*образом врага*», который становится не только стереотипом, но и доминирующей внешней атрибуцией, обратный же процесс — из «врагов» в «других» — мы наблюдаем исключительно редко (тут в пример напрашивается знаменитое «расследование» деятельности Санкт-Петербургской «фабрики троллей» Адриана Чена, опубликованное в 2015 г. /Chen, 2015/);
- «*постоянное сужение когнитивных элементов в поведении из-за перехода к более примитивным формам реагирования* на деятельность оппонента» (Шабанов, 2017, с. 125), что приводит к искажению ситуации политико-информационного взаимодействия во всех сферах. А также имеется одна особенность — применение оных на практике неизбежно порождает полисоставной (информационный, коммуникационный и в конечном итоге политический) конфликт, который сложен в разрешении. Да и не затем он создавался: до тех пор, пока течение конфликта характеризуется «профицитом» хотя бы для одной из конфликтующих сторон, о чем, не стесняясь, заявляет, например, в своих работах А. Эпштейн (Эпштейн, 2009), она будет всеми силами стремиться к затягиванию конфликта. Что мы и наблюдаем, и изучаем на протяжении многих лет, но особенно интенсивно — последние три с половиной — четыре года.

Тут было бы уместно кратко рассмотреть факторы искажения восприятия информации сторонами, испытывающими на себе воздействие психоземotionalного фона, формирующего состояние конфликта между ними, однако объем нашей работы, к сожалению, не позволяет это сделать.

Констатируем в завершение данной части статьи, что в современную нам эпоху мы часто наблюдаем *искажение восприятия ситуации*, для которого характерно:

- *превалирование негативных эмоций*, влияющих на информацию друг о друге: «плохие герои» пользуются большей симпатией и популярностью, ровно то же происходит и с «плохими», т.е. эмоционально негативно окрашенными, новостями, информационными поводами и действиями;
- *доминирование мотивов и потребностей* над прогностическими суждениями о причинах, а также последствиях тех или иных действий;
- *негативная установка на других участников процесса политико-информационного взаимодействия*, усугубленная ограниченностью кругозора или сложным физиологическим состоянием реципиента информации (усталость, депрессия и т.д.).

Все это в совокупности порождает глубочайший, прежде всего внутриличностный, конфликт, прорывающийся во все сферы взаимодействия (Авксентьев, Аксумов, Васильченко, 2017), обуславливающий состояние постоянного эмоционального напряжения, столь необходимого для мира «постправды».

ПРАКТИКА ФОРМИРОВАНИЯ «ПОСТПРАВДЫ» И ЕЕ ВЫДАЮЩЕЕСЯ ВОПЛОЩЕНИЕ: ДОКЛАД КОМИТЕТА СЕНАТА США ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ОТНОШЕНИЯМ 2018 г.

В начале 2018 г., 10 января, мировому сообществу был представлен крайне интересный 206-страничный доклад, подготовленный ко второй сессии 115-го заседания Конгресса под многообещающим названием «Путинская асимметричная атака на демократию в России и Европе: последствия для национальной безопасности США» (Putin's asymmetric assault on democracy in Russia and Europe: implications for US national security).

Доклад состоит из восьми глав, девяти приложений и колоссального количества подробностей, о каждой из которых хотелось бы рассказать, но это, к сожалению, невозможно в рамках статьи. Составлен группой из 21 сенатора во главе с Бобом Коркером, являющимся нынешним председателем Комитета Сената по международным отношениям и членом Республиканской партии, равно как еще 10 других авторов, в том числе М. Рубио, в то время как оставшаяся половина авторов, что интересно, представляет Демократическую партию.

Подобный строго выверенный межпартийный компромисс должен свидетельствовать всему демократически мыслящему миру о небывалом уровне согласия по поводу предмета доклада. Так, простое перечисление названий глав и параграфов подтверждает: в докладе на новом уровне происходит формирование «постправды» в научном и практическом аспектах. Именно этот документ предварил «Кремлевский доклад» и, в свою очередь, явился последствием закона «О противодействии противникам США посредством санкций» (An Act to provide), в этом же ряду находится и закон, «призванный обеспечить контроль Конгресса и противодействие агрессии правительств Ирана и РФ» (An Act to provide congressional review and to counter Iranian and Russian governments' aggression). Последний акт (An Act to provide) интересен в том числе тем, что из 140 страниц почти 100 посвящены именно России, а также тем, как стреми-

тельно и согласованно он принимался — с момента принятия последней 232 поправки до претворения его в жизнь прошло всего три дня, с 12 по 15 июня 2017 г. Подобное удивительное единодушие законодателей в практике стран развитой демократии встречается при таких обстоятельствах, которые, безусловно, заслуживают отдельного рассмотрения, тут мы лишь упомянем, что подобный акт можно считать плодом такой двухпартийной сделки, где в результате демократы получали желаемое усиление нажима на Россию, а республиканцы — усиление нажима на Иран, о чем и было объявлено в прессе (Press Briefing on the Congressional Review Act).

Вернемся, однако, к предмету разговора и поименуем вышеозначенные главы доклада об «асимметричной атаке Путина на демократию в России и Европе». Так, текст доклада распадается на несколько частей сообразно с главами.

Первая посвящена лично В. Путину, отслеживает по параграфам сначала его «рост», затем «восхождение на вершину» и ознаменовавшее этот процесс «возвращение спецслужб», а заканчивается глава триумфальной частью под названием «Параноидальная патология Кремля». Этот небольшой, всего двухстраничный фрагмент доклада парадоксальным образом рисует успехи России, ассоциированной лично с именем Путина, во многих секторах международных отношений с разными странами. Называется и успех в Сирии, который «восстановил Россию как геополитического игрока на Ближнем Востоке», выход Британии из Европейского союза, победа пророссийски ориентированных лиц в Молдавии и Болгарии, а также, безусловно, победа Д. Трампа (Putin's asymmetric assault, p. 13–14). Вывод, к которому приходят авторы в конце первой главы, довольно часто будет повторяться и во многих других частях доклада: сплоченному демократическому миру необходимо «проявлять все большую бдительность, выделять все больше ресурсов и координировать усилия по противодействию российскому пагубному влиянию».

Вторая глава говорит уже о приближенных в большей степени к теме статьи проблемах «манипуляции и репрессий внутри России», планомерно освещая «влияние на идеологию, политику и культуру», «контроль публичного поведения» и «коррупцирование экономической деятельности». Каким образом, с точки зрения авторов доклада, реализуются подобные процессы? Ответ довольно прост: при помощи целенаправленного влияния в трех областях: идеологической, политической и культурной, а также опираясь на контроль «общественного (публичного) нарратива» (public narrative) и коррупцию хозяйственной деятельности. Последний инструмент, надо заметить, используется очень широко, в чем мы сможем убедиться по мере изучения доклада.

Название третьей главы снова многообещающее: «Давно известные меры активности и современные операции враждебного влияния» (Old Active Measures and Modern Malign Influence Operations). В ней последовательно раскрывается «краткое описание советского периода», «современные операции пагубного влияния» и самый интересный третий параграф — «Кремлевские дезинформационные платформы», заслуживающий особого внимания. В этом параграфе рассказывается о наиболее известных новостных столпах, на основании которых возводится здание пророссийской пропаганды: это корпорация

RT, Sputnik и «Агентство интернет-исследований», благодаря многочисленным статьям в СМИ получившее славу «фабрики интернет-троллей» (Chen, 2015; Popken, Cobiella, и др.), и, конечно, русские хакеры, которые давно и серьезно, как указано в тексте, волнуют сознательных граждан Америки, входящих в состав органов государственной власти в целом и Сената в частности.

В выводах по главе мы опять сталкиваемся с противоречиями тому, что показано в тексте. Так, заявляется, что согласно исследованию RAND³ 2016 г., RT и Sputnik «больше похожи на коктейль информационно-развлекательного и дезинформационного, чем на журналистику, проверенную фактами, хотя их форматы намеренно принимают вид, соответствующий новостной программе». Также упоминается, что анализ (к сожалению, не указывается, какой) 2015 г. показал, что только 1 % видео на канале RT в YouTube были политическими по своей природе, в то время как самыми популярными были видео стихийных бедствий, аварий и преступности (Zavadski). И тут же мы встречаем вывод, что цель вмешательства заключается в том, чтобы «просто делегитимизировать демократический процесс», при этом неважно, кто «вырывается вперед», однако определенный и существенный вред был нанесен демократии в США в ходе выборов 2016 г.: «22 из 470 записей Facebook, связанных с Кремлем, имели соответствующие учетные записи в Twitter, которые впоследствии были приостановлены, а Russia Today потратила 274 000 долларов на рекламу в Twitter в 2016 году и продвинула 1823 твита, которые определенно или потенциально были нацелены на американский рынок» (Hudgins, Newcomb, 2017). Невероятная эффективность и коэффициент полезного действия, если 22 (!) записей достаточно для того, чтобы повлиять на результаты свободного волеизъявления граждан в масштабах всей страны.

В четвертой главе изложены постулаты того, как на службу Путину призываются «вооружаемые» им «гражданское общество, идеология, культура, преступность» и даже «энергоносители» (Weaponization of Civil Society, Ideology, Culture, Crime, and Energy). Это становится возможным благодаря существенному влиянию и «роли государственных фондов, НКО, НПО и аналитических центров», а также «культивированию Кремлем политических крайностей», «использованию Русской Православной Церкви», «национализации организованной преступности», «экспорту коррупции» и «использованию источников энергии для воздействия» — так называются параграфы в рамках проводимого аналитического расследования, ссылающегося, в свою очередь, на результаты исследования Chatham House⁴. Так, мы узнаем, что агентов российского влияния можно разделить на три группы, куда входят:

³ Исследовательская организация, как заявляется на сайте, проводящая изыскания для государственных органов и занимающаяся реализацией этих решений, а также их аналитическим сопровождением. Постулируется, что RAND является беспартийным, некоммерческим и приверженным интересам общества образованием, тем не менее в своих заказах, проектах и отчетах аффилирована с Сенатом США.

⁴ Также «независимый институт политики, с миссией по содействию созданию устойчивого, процветающего и справедливого мира» (цит. по офиц. сайту: <https://www.chathamhouse.org/>),

- 1) крупные государственные федеральные ведомства, а также крупные государственные гранты фондов и частные благотворительные организации, связанные с олигархами;
- 2) надежные «партнеры и местные помощники», в том числе молодежные группы, мозговые центры, ассоциации соотечественников, группы ветеранов и небольшие фонды, которые финансируются из государственных фондов, на президентские гранты или аффилированные с крупными компаниями, лояльными Кремлю;
- 3) группы, разделяющие кремлевскую повестку дня и видение развития на региональном уровне, но действующие вне официальных каналов сотрудничества, такие группы часто продвигают, например, «ультрарадикальную и неоимперскую лексику» и даже осуществляют руководство молодежными военизированными лагерями (Lutsevych, 2016).

Пятая и шестая части пропагандистского труда могут быть объединены в одну, так как рассказывают о «вмешательстве Кремля в дела консолидированных и полуконсолидированных демократий и переходных правительств», где к полуконсолидированным (гл. 5) отнесены Украина, Грузия, Черногория, Сербия, Болгария и Венгрия — сообразно названиям параграфов. В шестой главе перечислены соответственно консолидированные демократии в лице Балтийских стран (Латвии, Литвы и Эстонии), Северных стран (Финляндия, Норвегия, Дания, Швеция), Нидерландов, Великобритании, Франции, Германии, Испании и Италии. Не имея возможности проводить полноценный обзор по всем вышеперечисленным кейсам, определим общие для всех случаев технологии влияния, которые авторы предлагают в каждом из параграфов этих глав, обозначенные идентичными разделами «выученные уроки». Итак, что же должны «выучить» все эти страны? Предлагаемый «рецепт» противостояния кремлевскому влиянию довольно прост и может быть поименован в нескольких пунктах.

«Информирование общественности о результатах разведывательной деятельности против России». Эффективным должно быть разоблачение и планомерное освещение характера угрозы российского пагубного влияния. Эти действия (что особо интересно в свете демократичного и плюрального информационного развития) могут даже осуществляться принудительным образом, ведь результат этих поступков — не только повышает осведомленность общественности, но и стимулирует эффективные ответные меры», особенно социальных медиаплатформ, гражданского общества и независимых СМИ.

Сильная киберзащита. Так, указывается, что Эстония была одной из первых стран, имеющих «опыт операций кибервойны», а все государства находятся под постоянной угрозой со стороны российских хакеров. Таким образом, киберзащита является ключом к созданию константности против влияния Кремля. В том, чтобы эта устойчивость была постоянной, в том числе

занимающийся разработкой широкого спектра тем, в их числе одной из ведущих ныне является «Международная роль Америки».

и финансово, готовы помочь Соединенные Штаты. США даже предполагают «учиться у Эстонии опыту борьбы с кибератаками на важные объекты инфраструктуры, включая энергетику и избирательные системы» (Putin's asymmetric assault, p. 108).

Также рекомендовано усиливать популярность американской культуры при помощи медиаплатформ, например, «Голоса Америки» и «Радио Свободная Европа» / «Радио Свобода». Укажем, что подобные меры, предпринимаемые Россией, выше, на страницах 41–46, названы пропагандой, а усилия правительства по созданию сбалансированного имиджа — деятельностью «государственной пропагандистской машины» (Putin's asymmetric assault, p. 43).

Отдельно выделим также финансируемые программы культурного обмена, включая обучение за рубежом и даже учебу не только советников по широкому спектру вопросов, но и журналистов, что будет содействовать созданию альтернативных положительных нарративов демократии и поддержке независимых СМИ.

ОПЕРАТИВНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С ПОЛИТИЧЕСКИМИ ПАРТИЯМИ И ПО ВОПРОСАМ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ, А ТАКЖЕ ОБЕСПЕЧЕНИЮ НЕФТЕГАЗОВЫМИ РЕСУРСАМИ

Предпоследняя седьмая глава сосредоточена на «многосторонних и американских усилиях по противодействию асимметричному воздействию Кремля», содержит анализ имеющегося в распоряжении «арсенала» и «коллективной защиты от дезинформации и кибератак». Важное место отводится «европейской энергетической диверсификации и интеграции», санкционным стремлениям США и ЕС в отношении России, «усилиям США по созданию альтернативного и точного качественного программирования» и «оценке деятельности глобального центра сотрудничества Госдепартамента США». В этой части доклада описаны конкретные программы, реализация которых в итоге должна прервать кремлевскую информационную гегемонию. В качестве одного из примеров приводятся программы, финансируемые Правительством Канады, которые действовали на территории Украины с июля 2015 г. по март 2016 г. «15 000 украинцев было обучено безопасному потреблению медиа, при помощи методов «избегания эмоциональной манипуляции, проверок источников, выявления языка ненависти, проверок полномочий экспертов, обнаружения цензуры и развенчания новостей, фотографий и видео», а общее количество жителей Украины, которое улучшило свою информационную подготовку, достигло 90 000 человек» (Putin's asymmetric assault, p. 144).

Наконец, глава 8 содержит выводы и глобально проработанный список из 10 основных и множества дополнительных рекомендаций, охватывающих все сферы функционирования государства, в которых авторы считают необходимым минимизировать и нейтрализовать воздействие России, заместив его влиянием Соединенных Штатов Америки. Нельзя не упомянуть и приложения, которых в докладе девять, в том числе приложение В, раскрывающее перечень «вероятно политических убийств», приложение С под названием «Олимпий-

ская схема обмана российского правительства» и воззвание сенатора Кардена послам европейских стран (приложение I), где в очередной раз постулируется необходимость объединения представителей стран развитой демократии перед лицом российской угрозы.

Работа действительно проделана основательная, но на каких источниках она зиждется? Доклад использует обширную источниковедческую базу: всего 860 ссылок в основном тексте и около 30 — в восьми из имеющихся девяти приложений, всего больше 1000 источников, которые подразделяются на несколько блоков. Оговоримся сразу, что сам текст доклада не содержит никаких элементов визуализации данных, но его задача была не в этом, а в формировании «постправды» и искаженной эмоционально-замещенной действительности. Также размышлений заслуживает и тот факт, что многочисленные данные анализируются только в отношении России, в то время как в стратегии национальной безопасности «угрозой Америки» назван еще и Китай (National Security Strategy, 2017). Вытекающий отсюда вопрос — где подобный доклад, созданный для «китайского случая» и почему его до сих пор нет — должен быть исследован отдельно, не в рамках этой статьи.

Первый блок источников — и самый значительный по объему — это различные статьи в печатных и электронных СМИ, в том числе такие, в которых приводится анализ временных рядов, шкал (Hudgins, Newcomb), инфографических карт, наиболее интересные приведены ниже.

Например, карта перепостов, демонстрирующая страны, в которых глобальные новостные агентства в наибольшей степени использовали российские учетные записи «троллей» в своих новостных статьях (Porken), на которой цветом выделено количество перепостов.

Приведем еще один пример — распределение воздействия на СМИ российских «троллей» и бот-программ в течение 2016 г. (Porken).

Анализ временных рядов, который целесообразно применить при подобном аналитическом запросе, приведет нас к следующему выводу. Во-первых, уровень воздействия на СМИ довольно стабилен, хотя и высок, и, во-вторых, если вмешательство и было, его незначительный уровень оказался феноменально эффективным, раз плодом его стало искажение результатов выборов 2016 г.

Далее результаты исследований различных ассоциаций, в разной степени аффилированных с Сенатом, как, например, американская RAND, британская Chatham House, организации медиамониторинга Metlwater или PolitiWatch. И третья группа — это просто высказывания политиков, как бывших, так и действующих, чьи мнения приводятся в качестве цитат, подтверждающих то или иное утверждение авторов. Именно те методы, которые мы перечисляли в начале статьи, особенно «экспертное мнение», оказываются в высшей степени востребованными в процессе создания доклада.

Таким образом, перед нами высокотехнологичный и мультиаспектный продукт приращения научного и утилитарного знания, сформированный при помощи технологий формирования «постправды», пропаганды и контрпропаганды, имеющий высочайшее практическое воплощение и законодательную легислатурно-политическую реализацию во всем мире. Наблюдаемая в ходе изучения

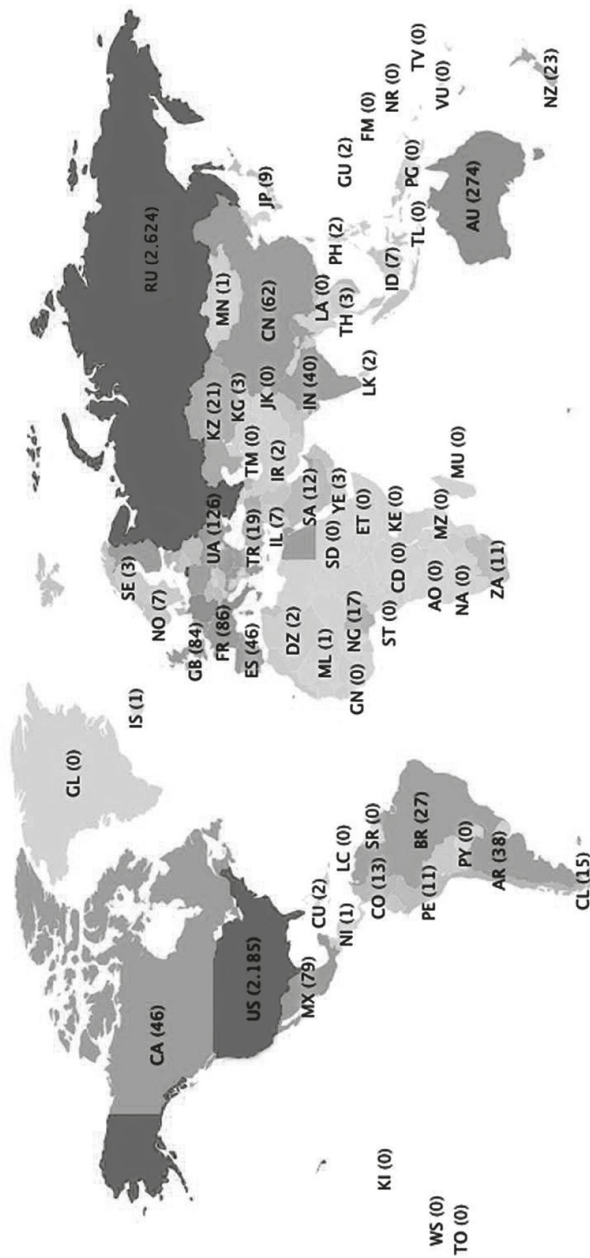

Рис. 1. Карта перепостов стран, использующих записи «троллей» в своих новостных статьях (по: Роркен)

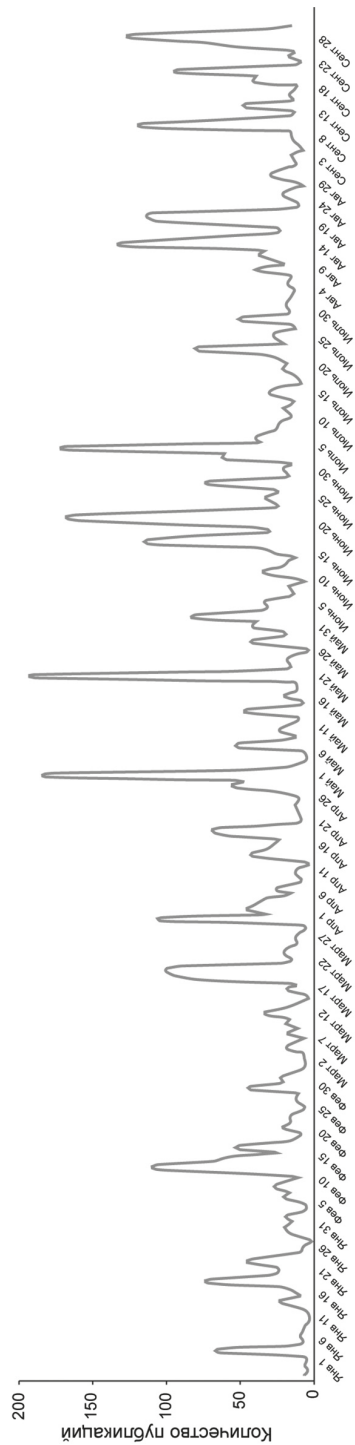

Рис. 2. Медиаанализ распределения воздействия на СМИ российских «троллей» и бот-программ, 2016 г. (по: Роркен)

доклада редукция от сложного к простому приводит не только к деградациям в элементах взаимодействия, но и к потере способности рационального анализа ситуации всеми участниками этого процесса. «Происходит существенное упрощение видения перспективы восприятия зон противоречий, а субъекты взаимодействия ограничиваются ситуативными рамками “здесь и сейчас”, не обращаясь к опыту прошлого и не прогнозируя последствий» (Шабанов, 2017, с. 127). В результате изображаемая или конструируемая картина мира приобретает все большую степень управляемости и ввиду безапелляционности ее оценок участниками, принимающими роль оппонентов, становится все более схематичной и примитивной. Поступающая к конечному потребителю информация проходит многоступенчатый процесс фильтрации, ее интерпретация практически не подвергается критическому анализу, зато «существенно растет давление сложившихся стереотипов и предубеждений» (Там же). Гиперболизация негативных черт создает «образ врага», образ заведомо негативный, как правило, сообщающий противной стороне некие стереотипные и деиндивидуализированные черты, отождествляющие ее со злом, не рождающие сочувствия или попыток объяснения тех или иных поступков.

Приемы формирования эмоционально-замещенного восприятия реальности укоренились в информационной области настолько глубоко, что стали продуцировать результаты в сферу политического. Именно этим отличается наступившая эпоха «постправды», информационной поливекторности и, парадоксальным образом, лучшей управляемости (имеется в виду, что население, находящееся под подобным информационным воздействием, не способно ни к обоснованной критике, ни к тотальному политическому протесту, потому что это воспринимается как угроза гиперпостулированным национальным интересам и безопасности, и всеми этими процессами в совокупности как раз становится проще управлять), в которой пребывают страны как развитой демократии, так и только находящиеся на подступах к демократическим вершинам.

Литература

Авксентьев В. А., Аксюмов Б. В., Васильченко В. А. Идеологическая война против России: анализ идей внешних и внутренних акторов // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. Т. 13, № 3. С. 40–56.

Аналитические технологии прогнозирования политических процессов / под ред. О. В. Поповой. М.: РГ Пресс, 2013. 392 с.

Аронсон Э., Пратканис Э. Эпоха пропаганды. Механизмы убеждения, повседневное использование и злоупотребление. СПб.: Прайм-Еврознак, 2002. 106 с.

Белоусов В. А. Пропаганда и демократия в России: проблемы, противоречия и вызовы современности // Социум и власть. 2011. № 2 (30). С. 28–32.

Кастельс М. Власть коммуникации. М.: ГУ ВШЭ, 2016. 563 с.

Панарин И. Н. Информационная война и геополитика. М.: Поколение, 2006. 560 с.

Панарин И. Н. СМИ, пропаганда и информационные войны. М.: Поколение, 2012. 336 с.

Политика постправды и популизм в современном мире: мат-лы Всерос. науч. конф. с междунар. участием «Политика постправды и популизм в современном мире» / под ред. О. В. Поповой. СПб.: Скифия-принт, 2017. 282 с.

Пономарев Н. Ф. Информационная политика органа власти: пропаганда, антипропаганда, контрпропаганда. Пермь: Изд-во Пермского гос. техн. ун-та, 2007. 184 с.

- Попова О. В.* Политический анализ и прогнозирование. М.: Аспект пресс, 2011. 464 с.
- Попова О. В.* «Измерительный инструмент» в сравнительной политологии: к вопросу о нерешенных проблемах // ПОЛИТЭКС: Политическая экспертиза, 2009. № 1. С. 271–291.
- Почепцов Г. Г.* Имиджмейкер. Паблик рилейшнз для политиков и бизнесменов. Киев: Рекламное агентство Губерникова, 1995. 236 с.
- Почепцов Г. Г.* Информационные войны. Новый инструментарий политики. М.: Алгоритм, 2015. 256 с.
- Смаль С. В.* Анализ электоральных предпочтений жителей Крыма: история и современность // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2015. № 4 (232). С. 15–22.
- Смаль С. В.* Технологии формирования постправды: конфликтологический аспект // Политика постправды и популизм в современном мире. СПб.: Скифия-принт, 2017. С. 222–225.
- Смирнов В. А.* Отношения политических элит стран Прибалтики // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2017. Т. 13, № 1. С. 93–102.
- Соколова О. В.* Типология дискурсов активного воздействия: поэтический авангард, реклама и PR. М.: Гнозис, 2014. 304 с.
- Цыганов В. В.* Информационные войны в бизнесе и политике. М.: Академический проект, 2007. 336 с.
- Тоффлер Э.* Третья волна. М.: АСТ, 2004. 781 с.
- Шабанов Л. В.* Общая конфликтология. СПб.: НИЦ АРТ, 2017. 268 с.
- Широкоград А. Б.* Русские пираты. М.: Вагриус, 2007. 430 с.
- Эпштейн А.* Израильтяне и палестинцы: от конфронтации — к переговорам и обратно. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2009. 192 с.
- An Act To provide congressional review and to counter aggression by the Governments of Iran, the Russian Federation, and North Korea, and for other purposes. URL: http://www.treasury.gov/resource-center/sanctions/Programs/Documents/hr3364_pl115-44.pdf (дата обращения: 27.05.2018).
- An Act To provide congressional review and to counter Iranian and Russian governments' aggression. URL: <http://www.congress.gov/115/bills/s722/BILLS-115s722es.pdf> (дата обращения: 26.05.2018).
- Astin A. E.* Cato the Censor. Oxford: Clarendon Press, 1978. 392 p.
- Castells M.* Communication Power. Oxford: Oxford University Press, 2009. 608 p.
- Dimaggio A. R.* Mass media, mass propaganda: examining American news in the “War on Terror”. Lanham, MD: Lexington Books, 2008. 329 p.
- Chen A.* The agency // The New York Times Magazine. URL: <http://www.nytimes.com/2015/06/07/magazine/the-agency.html> (дата обращения: 26.05.2018).
- Hudgins J., Newcomb A.* Google, Facebook, Twitter and Russia: A Timeline on the ‘16 Election // NBC News. URL: <http://www.nbcnews.com/news/us-news/google-facebook-twitter-russia-timeline-16-election-n816036> (дата обращения: 26.05.2018).
- Fischer J. E.* Propaganda and the internet. Snowflake, AZ: Cedar Hill Pub., 2009. 188 p.
- Kearney M.* The prohibition of propaganda for war in international law. New York: Oxford University Press, 2007. 274 p.
- Lutsevych O.* Agents of the Russian World Proxy Groups in the Contested Neighbourhood. // Chatham House. URL: <http://www.chathamhouse.org/sites/files/chathamhouse/publications/research/2016-04-14-agents-russian-world-lutsevych.pdf> (дата обращения: 26.05.2018).
- Moloney K.* Rethinking public relations: PR propaganda and democracy. New York: Routledge, 2006. 236 p.
- National Security Strategy of the United States of America, December 2017. URL: <http://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (дата обращения: 26.05.2018).
- Popken B.* Russian Trolls Duped Global Media And Nearly 40 Celebrities // NBC News. URL: <http://www.nbcnews.com/tech/social-media/trump-other-politicians-celebs-shared-boosted-russian-troll-tweets-n817036> (дата обращения: 28.05.2018).

Popken B., Cobiella K. Russian troll describes work in the infamous misinformation factory // NBC News. URL: <https://www.nbcnews.com/news/all/russian-troll-describes-work-infamous-misinformation-factory-n821486> (дата обращения: 26.05.2018).

Press Briefing on the Congressional Review Act. URL: <http://www.whitehouse.gov/briefings-statements/press-briefing-congressional-review-act-2-040517/> (дата обращения: 31.08.2018).

Putin's asymmetric assault on democracy in Russia and Europe: implications for U.S. national security. URL: <https://www.foreign.senate.gov/imo/media/doc/FinalRR.pdf> (дата обращения: 26.05.2018).

Simon G. The art of the lie. URL: <http://www.drgeorgesimon.com/the-art-of-the-lie/> (дата обращения: 27.05.2018).

Sproule J. M. Propaganda and democracy: the American experience of media and mass persuasion. Cambridge, U.K.; New York: Cambridge University Press, 2005. 332 p.

War and the media: essays on news reporting, propaganda and popular culture / eds P. M. Haridakis, B. S. Hugenberg and S. T. Wearden. Jefferson, N.C.: McFarland & Company, Inc.; Publishers, 2009. 259 p.

Zavadski K. Putin's Propaganda TV Lies About Its Popularity // The Daily Beast. URL: <http://www.thedailybeast.com/putins-propaganda-tv-lies-about-its-popularity> (дата обращения: 27.05.2018).

Смаль Светлана Владимировна — канд. полит. наук, доц.; smalsvetlana@gmail.com

Статья поступила в редакцию: 11 мая 2018 г.;

рекомендована в печать: 4 июля 2018 г.

Для цитирования: Смаль С. В. Технологии формирования «постправды»: пропаганда и контрпропаганда на примере доклада сенатского Комитета по международным отношениям США от 10 января 2018 года // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2018. Т. 14, № 1. С. 98–116. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu23.2018.109>

POST-TRUTH FORMATION TECHNOLOGIES: PROPAGANDA AND COUNTER-PROPAGANDA ON THE EXAMPLE OF THE REPORT OF THE SENATE COMMITTEE ON FOREIGN RELATIONS OF THE UNITED STATES ON JANUARY 10, 2018

Svetlana V. Smal

The Herzen State Pedagogical University of Russia,
Moika river emb., 48, St. Petersburg, 191186, Russia; smalsvetlana@gmail.com

The article analyses the technology of theoretical construction and practical implementation of emotionally-substituted perception of reality, which can be called dominant in the world and Russian media. The starting point of a fundamental change in the information field is 2014. The values postulated in the speeches of politicians, and the mass media were very different in the countries of developed democracy and the rest of the world until 2014. The article offers an analytical understanding of the three conventional periods of development of information carriers, in accordance with the management and technological methods used in different eras. Technologies of formation of "post-truth" are analysed, the essential elements inherent in the selected techniques are highlighted, as well as the features leading to the observed distortion of perception of reality displayed by the media. As the brightest reception of the scientific-oriented propaganda work is given a large (206 pages of text) analytical report of the Senate Committee on foreign relations of the United States, presented to the public on January 10, 2018. This report forms a multi-vector perception of the truth, extremely distorting reality. We postulate, in conclusion, that modernity is characterised by a multivariate and multidirectional perception of reality created by information technologies of "instant response" and maintaining

a constant state of emotional tension necessary for minimum problematized political governance in all countries of the world.

Keywords: *post-truth*, propaganda, information technologies, methods of formation of emotionally-substituted perception of reality, USA, countries of developed democracy, Russia.

References

An Act To provide congressional review and to counter aggression by the Governments of Iran, the Russian Federation, and North Korea, and for other purposes. Available at: http://www.treasury.gov/resource-center/sanctions/Programs/Documents/hr3364_pl115-44.pdf (accessed: 27.05.2018).

An Act To provide congressional review and to counter Iranian and Russian governments' aggression. Available at: <http://www.congress.gov/115/bills/s722/BILLS-115s722es.pdf> (accessed: 26.05.2018).

Analiticheskie tekhnologii prognozirovaniia politicheskikh protsessov [Analytical technology forecasting political processes]. Ed. by O. V. Popova. Moscow, RG-Press, 2013, 392 p. (In Russian)

Aronson E., Pratkanis E. *Epokha propagandy. Mekhanizmy ubezhdeniia, povsednevnoe ispol'zovanie i zloupotreblenie [The era of propaganda. The mechanisms of persuasion, everyday use and abuse].* St. Petersburg, Prime-Euro-Sign, 2002, 106 p. (In Russian)

Astin A. E. *Cato the Censor.* Oxford, Clarendon Press, 1978, 392 p.

Avksentiev V. A., Aksumov B. V., Vasilchenko V. A. *Ideologicheskaia voina protiv Rossii: analiz idei vneshnikh i vnutrennikh aktorov [The ideological war against Russia: the analysis of ideas of foreign and domestic actors]. Politicheskaiia ekspertiza: POLITEKS [Political Expertise: POLITEK],* vol. 13, no. 3, pp. 40–56. (In Russian)

Belousov V. A. *Propaganda i demokratiia v Rossii: problemy, protivorechiia i vyzovy sovremennosti [Propaganda and democracy in Russia: problems, contradictions and challenges of the present]. Sotsium i vlast' [Society and power],* 2011, no. 2 (30), pp. 28–32. (In Russian)

Castells M. *Vlast' kommunikatsii [Communication Power].* Moscow, Higher school of Economics, 2016, 563 p. (In Russian)

Castells M. *Communication Power.* Oxford, Oxford University Press, 2009, 608 p.

Chen A. *The agency.* *The New York Times Magazine.* Available at: <http://www.nytimes.com/2015/06/07/magazine/the-agency.html> (accessed: 26.05.2018).

Dimaggio A. R. *Mass media, mass propaganda: examining American news in the "War on Terror".* Lanham, MD, Lexington Books, 2008, 329 p.

Epstein A. *Izrail'tiane i palestintsy: ot konfrontatsii — k peregovoram i obratno [Israelis and Palestinians: from confrontation to negotiations and back].* Moscow, Bridges of culture, Jerusalem, Gesharim, 2009, 192 p. (In Russian)

Fischer J. E. *Propaganda and the internet.* Snowflake, AZ, Cedar Hill Pub., 2009, 188 p.

Hudgins J., Newcomb A. *Google, Facebook, Twitter and Russia: A Timeline on the '16 Election.* *NBC News.* Available at: <http://www.nbcnews.com/news/us-news/google-facebook-twitter-russia-timeline-16-election-n816036> (accessed: 26.05.2018).

Kearney M. *The prohibition of propaganda for war in international law.* New York, Oxford University Press, 2007, 274 p.

Lutsevych O. *Agents of the Russian World Proxy Groups in the Contested Neighbourhood.* *Chatham House.* Available at: <http://www.chathamhouse.org/sites/files/chathamhouse/publications/research/2016-04-14-agents-russian-world-lutsevych.pdf> (accessed: 26.05.2018).

Moloney K. *Rethinking public relations: PR propaganda and democracy.* New York, Routledge, 2006, 236 p.

National Security Strategy of the United States of America, December 2017. Available at: <http://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (accessed: 26.05.2018).

Panarin I. N. *Informatsionnaia voina i geopolitika [Information war and geopolitics].* Moscow, Generation, 2006, 560 p. (In Russian)

Panarin I. N. *SMI, propaganda i informatsionnye voiny* [Media, propaganda and information wars]. Moscow, Generation, 2012, 336 p. (In Russian)

Pocheptsov G. G. *Imidzhmeiker. Pablik rileishnz dlia politikov i biznesmenov* [Image-Maker. Public relations for politicians and businessmen]. Kiev, Gubernikov Advertising Agency, 1995, 236 p. (In Russian)

Pocheptsov G. G. *Informatsionnye voiny. Novyi instrumentarii politiki* [Information war. New policy tools]. Moscow, Algorithm, 2015, 256 p. (In Russian)

Politika postpravdy i populizm v sovremennom mire: mat-ly Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem «Politika postpravdy i populizm v sovremennom mire» [Politics post-truth and populism in the modern world. Materials of the all-Russian scientific conference with international participation "Politics post-truth and populism in the modern world"]. Ed. by O. V. Popova. St. Petersburg, Scythia-print, 2017, 282 p. (In Russian)

Ponomarev N. F. *Informatsionnaia politika organa vlasti: propaganda, antipropaganda, kontrapropaganda* [Information policy of the authority: propaganda, anti-propaganda, counter-propaganda]. Perm, Perm state technical University publ., 2007, 184 p. (In Russian)

Popken B. Russian Trolls Duped Global Media And Nearly 40 Celebrities. *NBC News*. Available at: <http://www.nbcnews.com/tech/social-media/trump-other-politicians-celebs-shared-boosted-russian-troll-tweets-n817036> (accessed: 28.05.2018).

Popken B., Cobiella K. Russian troll describes work in the infamous misinformation factory. *NBC News*. Available at: <http://www.nbcnews.com/news/all/russian-troll-describes-work-infamous-misinformation-factory-n821486> (accessed: 26.05.2018).

Popova O. V. «Izmeritel'nyi instrument» v sravnitel'noi politologii: k voprosu o nereshennykh problemakh ["Measuring tool" in comparative politics: on the issue of unresolved problems]. *POLITEKS: Politicheskaja ekspertiza* [POLITEKS: Political Expertise], 2009, no. 1, pp. 271–291. (In Russian)

Popova O. V. *Politicheskii analiz i prognozirovanie* [Political analysis and forecasting]. Moscow, Aspect press, 2011, 464 p. (In Russian)

Press Briefing on the Congressional Review Act. Available at: <http://www.whitehouse.gov/briefings-statements/press-briefing-congressional-review-act-2-040517/> (accessed: 31.08.2018).

Putin's asymmetric assault on democracy in Russia and Europe: implications for U.S. national security. Available at: <http://www.foreign.senate.gov/imo/media/doc/FinalRR.pdf> (accessed: 26.05.2018).

Shabanov L. V. *Obshchaia konfliktologija* [The Overall conflictology]. St. Petersburg, SIC ART, 2017, 268 p. (In Russian)

Shirokorad A. B. *Russkie piraty* [The Russian pirates]. Moscow, Vagrius, 2007, 430 p. (In Russian)

Simon G. *The art of the lie*. Available at: <http://www.drgeorgesimon.com/the-art-of-the-lie/> (accessed: 27.05.2018).

Smal S. V. Analiz elektoral'nykh predpochtenii zhitelei Kryma: istoriia i sovremennost' [Analysis of electoral preferences of residents of Crimea: history and modernity]. *Nauchno-tehnicheskie vedomosti SPbGPU. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki* [Scientific and technical statements of SPbSPU. Humanities and social Sciences], 2015, no. 4 (232), pp. 15–22. (In Russian)

Smal S. V. Tekhnologii formirovaniia postpravdy: konfliktologicheskii aspekt [Technologies of formation of the post of truth: the conflictological aspect]. *Politika postpravdy i populizm v sovremennom mire* [Politics post-truth and populism in the modern world]. St. Petersburg, Scythia-print, 2017, pp. 222–225. (In Russian)

Smirnov V. A. Otnosheniia politicheskikh elit stran Pribaltiki [The Relations of the Political Elite of the Baltic States]. *Politicheskaja ekspertiza: POLITEKS* [Political Expertise: POLITEKS], 2017, vol. 13, no. 1, pp. 93–102. (In Russian)

Sokolova O. V. *Tipologija diskursov aktivnogo vozdeistviia: poeticheskii avangard, reklama i PR* [Typology of active impact discourses: poetic avant-garde, advertising and PR]. Moscow, Gnosis, 2014, 304 p. (In Russian)

Sproule J. M. *Propaganda and democracy: the American experience of media and mass persuasion*. Cambridge, U.K., New York, Cambridge University Press, 2005, 332 p.

Toffler A. *Tret'ia volna [The Third wave]*. Moscow, AST, 2004, 781 p. (In Russian)

Tsyganov V.V. *Informatsionnye voiny v biznese i politike [Information wars in business and politics]*. Moscow, Academic Project, 2007, 336 p. (In Russian)

War and the media: essays on news reporting, propaganda and popular culture. Ed. by P.M. Haridakis, B.S. Hugenberg and S.T. Wearden. Jefferson N.C., McFarland & Company, Inc., Publishers, 2009, 259 p.

Zavadski K. Putin's Propaganda TV Lies About Its Popularity. *The Daily Beast*. Available at: <http://www.thedailybeast.com/putins-propaganda-tv-lies-about-its-popularity> (accessed: 27.05.2018).

For citation: Smal S. V. Post-truth formation technologies: Propaganda and counter-propaganda on the example of the report of the Senate Committee on Foreign Relations of the United States on January 10, 2018. *POLITEX: Political Expertise*. 2018, vol. 14, no. 1, pp. 98–116. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu23.2018.109> (In Russian)